

Книга-настроение

БРЕНДА
ЯНОВИЦ

Рецепт
счастливой
жизни

МОСКВА
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Я64

Brenda Janowitz

RECIPE FOR A HAPPY LIFE

Copyright © 2013 by Brenda Janowitz

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского Ю. Фокиной

Художественное оформление С. Власова

Яновиц, Бренда.

Я64

Рецепт счастливой жизни / Бренда Яновиц ; [пер. с англ. Ю. Фокиной]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 352 с.

ISBN 978-5-699-85166-9

Ханне Гудман тридцать четыре года. Уже тридцать четыре! А жизнь — череда неприятностей. И даже поцелуй, который она в порыве неземной страсти дарит бойфренду, оборачивается катастрофой, чуть ли не судом. Кто ей поможет? Мать? Но с ней у Ханны очень непростые отношения. Подруги? Но настоящих подруг у нее нет. Бабушка! Неунывающая вдова, знающая толк в жизни, — вот кто поможет Ханне осознать, что ей всего тридцать четыре, жизнь прекрасна и впереди — только счастье. Правда, старушке придется изрядно постараться, чтобы убедить внучку следовать проверенному десятилетиями рецепту счастливой жизни.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-699-85166-9

© Фокина Ю., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Глава 1

Своего седьмого мужа — того, который с титулом, — бабушка вспоминает особенно тепло. Собственно, это мы так говорим — «с титулом»; седьмой бабулин муж был по совместительству королем матрасной индустрии района Канарси. Впрочем, по твердому бабулиному убеждению, любой титул считается, даже когда человек сам себе его присвоил.

Именно седьмой муж оставил бабуле виллу в Хэмптонс¹ (здесь мы проводим нынешнее лето), но, конечно, не из-за виллы тьюфячный король ходит у бабули в фаворитах. А из-за того, что был он истинным джентльменом, а не плебеем, как нынешние мужчины. Иными словами, умел дать леди почувствовать, что она — леди. Открывал дверь, отвечивал комплименты. Вставал навстречу. Всегда платил сам. Всегда провожал с вечеринок до дома. Эти мелочи кружили бабуле голову — в то время как я далеко не уверена в их важности.

¹ *Хэмптонс* — собирательное название нескольких городков в штате Нью-Йорк. Популярный курорт, место отдыха кинозвезд и успешных бизнесменов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Бренда Яновиц

Врачи сказали, тюфячный король умер от старости. Безнадежный случай. И не надо, уважаемые родственники, терзаться чувством вины — предотвратить вы ничего не могли по определению. Ясно — пытались нас утешить. А потом самый молодой из консилиума отвел меня в сторонку и предупредил: в большинстве случаев «спутник жизни» покойного очень скоро следует за ним/ней в лучший мир, ибо поддается скорби. Готовьтесь, продолжал доктор, сжимая мне запястье; готовьтесь морально к неизбежному. Я рассмеялась ему в лицо. Впрочем, что удивляться — просто эти врачи не наслышаны о моей бабушке.

Ее шестой муж в семидесятые был кумиром тинейджеров. Не скажу, как его звали, но вы его определенно знаете. Он умер через три недели после страшного диагноза — рак гортани. Всю жизнь курил сигары и продолжал это занятие до последнего своего дня. По мнению бабули, он умер лучшим способом из возможных — если таковой существует. То есть вы узнаете о собственной обреченности, прощаетесь с близкими, приводите дела в порядок — и все, привет. Быстро и легко.

Бабуле можно доверять, она у меня эксперт по способам ухода в лучший мир. Семерых мужей схоронила — а ведь ей всего семьдесят шесть. Уйма времени, чтобы найти нового кандидата, сочетаться с ним браком — и стать свидетельницей его кончины. Не подумайте, я бабулю не сватаю — у нее от поклонников отбою нет, утрата очередного мужа едва ли внесла существенные перемены в ее стиль жизни.

Рецепт счастливой жизни

Пятый муж был князем французского городка к западу от Монако. Разбился, когда летал на дельтаплане, во время отдыха с бабулей на Майорке. Пятого мы называли «тот, который с титулом», пока на сцену не вышел тюфячный король. Сейчас мы называем пятого просто князем, а сама бабуля придумала формулировку «человек, известный как мой пятый супруг». Она его не любила. По крайней мере, не так, как остальных. Уверяет, что просто «поддалась поветрию». Дело было в шестидесятые, под «поветрием» имеется в виду свадьба Грейс Келли.

Когда стало известно о смерти князя, бабуля находилась в ювелирном магазине. Французская пресса впоследствии слишком раздула тот факт, что бабуля, услышав о своем вдовстве, укомплектовала только что выбранный гарнитур двойной жемчужной нитью в шестнадцать дюймов, которую как раз примеряла. («Он умер, — позднее парировала Ба. — А мне что теперь — без жемчугов ходить?») До сих пор в определенных кругах на юге Франции бабуля считается персоной нон грата.

Говорят, своего четвертого мужа, сенатора, она убила; впрочем, доказательств нет. Сенатор скончался в окружении четырех сотен республиканцев, и заметьте, ни один из них ничем не смог подтвердить обвинение. Правда, бабуля-то знала, *что* тем вечером случилось, и мне сказала. Сенатора уложили в гроб несколько удачно подобранных слов; на нем прекратилась сенаторская династия, начало которой положил сенаторский дед. Все трое — дед, отец и сам сенатор — заняли этот пост к сорока годам. Все трое были несгибаемыми республиканцами. Согласитесь,

чтобы войти в такую семью, от женщины требуется изрядная ловкость. Особенно от женщины, что посещает избирательные участки только в самых крайних случаях.

У сенатора был сын — прохлаждался в Йельском университете, ждал, когда настанет время требовать причитающееся по праву рождения место в Сенате Соединенных Штатов. Джуниор Третий подошел к вопросу со знанием дела — заводил правильных приятелей, окучивал правильных женщин, голосовал за правильных кандидатов как в школе, так и в университете. Добыл вождеденное членство в Ордене «Череп и кости» — тайной организации Йельского университета, воспитавшей минимум десятирех сенаторов и троих президентов США. Впечатления не умяет даже то обстоятельство, что два из них — это Джордж Буш-старший и Джордж Буш-младший.

Пройдохе Джуниору Третьему не удалось привлечь бабулю к суду. Лично я думаю, это из-за бабулиных глаз. Ее взгляд усыпляет судейскую бдительность. Глаза у бабули невинные, голубые, а при определенном освещении — фиалковые. Заподозрить ее в чем бы то ни было просто невозможно. Лицо сияет нездешним, ангельским светом. В то время как бабуля — кто угодно, только не ангел. Видели бы они ее, когда она появилась перед сенатором в роковой вечер — веки подведены черным, ресницы мерцают от двух слоев туши. Но они ее не видели. Бабуля шагнула к сенатору, он просиял. А через пять минут скончался.

Возможно, бабуля пригрозила обнародовать тот факт, что сенатор, хотя и ратовал за семейные цен-

Рецепт счастливой жизни

ности и упирал на статус Штатов как эдакого нравственного компаса, — был геем. От угрозы сенатор и схватился за сердце и хлопнулся на пол, чтобы уже не подняться. Однако поймите: бабулю не огорчало, что сенаторский брак с ней был показухой. «Нельзя рассчитывать на полную откровенность со стороны мужа», — утверждает с тех пор бабуля. Впрочем, она изрядно рассердилась, обнаружив, что ей на неделю выделялось меньше, чем прежней сенаторской пассивности, — и это за годы верности! Чего-чего, а деловой хватки у Ба не отнимешь.

Третий муж, итальянский автогонщик, был самым горячим из семерых. Все у них с бабулей выходило за рамки: если ссора — то с «расставанием навек», если примирение — то с телячьими нежностями. Автогонщик научил бабулю слушаться только своего сердца. Брак с ним оказался самым коротким бабулиным браком — всего четыре месяца, день в день. По иронии судьбы, автогонщик погиб, поскользнувшись в ванной на куске мыла — упал и ударился головой о смеситель. Правильно говорят — подавляющее большинство несчастных случаев происходит дома.

Второй муж был моим дедушкой, отцом моей матери, адвокатом из хорошей семьи. Специализировался на делах с недвижимостью. Такого, как он, бабуля хотела бы видеть моим мужем.

Мой дедушка погиб в автокатастрофе по вине пьяного водителя. Маме было всего двенадцать лет. Тогда-то, по мнению бабули, и началась в ее жизни черная полоса. В случившемся бабуля всегда винила себя и только себя.

Бренда Яновиц

Пробило десять вечера, когда ей вдруг нестерпимо захотелось шоколадно-ванильного эбингеровского торта. Они с дедушкой готовились ко сну, а моя мама уже спала. Дедушке не было никакого резона выходить на улицу в столь неподходящий час. Никакого резона возникать на перекрестке Фронт-стрит и Бродвея, куда на красный свет вылетел, точно пуля, злосчастный автомобиль. С другой стороны, как романтично — любящий муж уходит в ночь, всегда готовый потакать слабостям жены. Это бабуля так говорит. Еще она говорит, едва они с дедушкой съели на двоих свой первый кусок эбингеровского торта, как она поняла: перед ней — тот самый мужчина. Дедушка хотел ванильную часть, а бабуля — шоколадную. Тут-то все и решилось. Браки совершаются на небесах. До сих пор бабуля не может без слез смотреть на кондитерские изделия.

В конце концов она их всех пережила. Всех своих мужей. Кроме самого первого — он единственный не оставил ее вдовой. Он был похож на Ретта Батлера. Они с шестнадцатилетней бабулей сбежали из дому и тайно поженились. Подробности расплывчаты, одно известно — тот, первый, единственный из всех, разбил бабулино сердце.

Кто-то назовет ее жизнь несчастливой. Кто-то скажет, над ней тяготеет проклятие. А для меня она просто любимая бабушка.

Бабуля всегда была рядом, во всем меня поддерживала. Она с гордостью слушала, как я присягаю Ассоциации адвокатов штата Нью-Йорк; она нянчи-

Рецепт счастливой жизни

лась со мной в период первой неудачной влюбленности. Она помогала выбрать платье для первого школьного дня.

Мать, наоборот, на подобную чепуху не разменивалась. Она у меня фотокорреспондент с мировым именем, поэтому ее жизнь — вечное движение. Усилия оправдались — доказательством служит Пулитцеровская премия, — но, по-моему, работа для моей матери — способ манкировать неприятными обязанностями.

Я говорю с такой уверенностью, потому что и сама не без греха. Еще на первом курсе, когда нагрузка была — не продохнуть, я заметила: никто не сердится, если я нарушаю обязательства из-за учебы. Всем известно: на юрфаке каждая поблажка может быть и будет использована против студента. Поэтому родные и друзья спокойно кушали мое «не приду, работы много».

И я научилась извлекать из нагрузки выгоду. Слишком устала, неохота тусоваться? Сошлись на учебный судебный процесс. Не улыбается торчать в кино с назойливой одноклассницей? Упомяни талмуд, который нужно одолеть к завтрашнему уроку криминалистики, аж к восьми утра.

Вспоминая свое детство, я задаюсь вопросом: как часто мама пользовалась моей невинной уловкой? Третьеклашкой я играла в школьном спектакле. Между прочим, вторую по важности роль. Сияющая от гордости бабуля сидела в первом ряду, а мать «срочно заслали» в Советский Союз. Или взять выпускной, когда на нее «свалился» отбор фотографий для ретроспективного репортажа об эпохе Рональда Рейгана. «Эй-би-си» использовала более двадцати снимков,

которые Грэй Гудман нащелкала в ходе дела Иран-контрас¹; условия контракта предполагали ее участие во всех стадиях процесса. Позднее мама утверждала: дескать, снимки нельзя было никому доверять. Я же под ее оправдания сняла квадратную академическую шапочку, аккуратно сложила мантию и молча поместила то и другое себе на колени.

В глубине души я понимала: она всю жизнь этим занимается — использует работу как предлог. А что — надежный способ избегать реальности, впопору запатентовывать! Я сама такая, поэтому и мать свою как облупленную знаю. Странное дело — не хочу походить на нее, а сделать ничего нельзя.

А вот с бабулей мы совсем не похожи — наверно, поэтому так близки. У нас и системы ценностей разные, и умения; мне нравится думать, что мы многому друг у друга учимся. Бабуля находит очаровательным мое серьезное отношение к работе и умиляется моему перфекционизму. Сама она не считает мою работу такой уж важной. Ба у меня из категории женщин, которые приравнивают писание писем к высокому искусству и считают это умение обязательным для настоящей леди. (Стоит ли говорить, что бабуля владеет им в совершенстве?) Что еще важнее (и актуальнее) — бабуля никогда в жизни толком не работала.

Она полагается на свои женские штучки. И уверена, что аналогичный арсенал необходим и единственной внучке.

¹ Крупный политический скандал в США (другое название — Ирангейт) разгорелся в конце 1986 г., когда стало известно, что отдельные члены Администрации США организовали тайные поставки вооружения в Иран.

Глава 2

«Эх, зря приехала!» — эта мысль возникает ровно в ту секунду, как я высаживаюсь из микроавтобуса. Огромные бесподобные деревья и прочие прелести пейзажа вызывают в памяти предыдущий раз в Саутгемптоне. Тогда я была, как все местные, что прогуливаются по Мейн-стрит, — то есть счастливой и беззаботной; на моих губах играла сугубо саутгемптонская улыбка. С тех пор много воды утекло, и уже давно в летние месяцы я не нахожу в себе сил вернуться в Саутгемптон. Мы с бабулей видимся где угодно, только не здесь. Обычно бабуля на недельку останавливается в манхэттенском отеле «Пьер», и мы уютненько вместе ужинаем и ходим в театр. Или мы с ней летим в Париж, или проводим выходные в «Каньон Ранч», или бронируем круиз по Средиземному морю.

Не думала, что вернусь в Хэмптонс. Увы, сейчас мне больше некуда податься. Мою манхэттенскую квартиру оккупировали полицейские, так что, если я хочу от них отдохнуть, оставаясь (как велено детективом Моретти) в пределах штата Нью-Йорк, мне одна дорога — в Хэмптонс.

Бабуля разodelась по случаю моего прибытия; впечатление, будто я схожу по трапу с «Квин Мэри», а не вылезаю из помеси автобуса с минивэном-переростком. Да, на бабулю приятно посмотреть — впрочем, как всегда. На ней белые брюки-капри (накрахмаленные для пущего ослепления окружающих) и бирюзовая туника. На шее массивное кольцо с крупными белыми камнями; кажется, что надето небрежно, на самом деле подчеркивает грациозность шеи.

Бренда Яновиц

Ба поднимает руку, и несколько дюжин браслетов звенят. Нет, она не машет — скорее, сигнализирует, передает внятный послыл: «Я здесь. Иди ко мне, потому что я к тебе не пойду».

Бросаюсь бабуле на шею. Она отвечает крепким объятием, и я не выдерживаю — глаза увлажняются. Ба пытается высвободиться, но я вцепилась намертво. Не хочу, чтобы она видела мои слезы, даром что именно бабуля осушала их с самого моего рождения. Хочу за нее держаться — как долго, не знаю.

Наконец бабуля похлопывает меня по спине. Это намек: пора забирать вещи. Не может ведь ее шофер Рауль ждать до скончания времен. Видите ли, вдовам, особенно шестикратным, свойственно цепляться за старое. В данном случае — за Рауля.

Сегодня нас везет синий «Майбах». Кроме него, бабуля располагает целым автопарком. Впрочем, не припомню, когда в последний раз видела ее за рулем.

Мы движемся по городу к вилле тюфячного короля. В голову лезут воспоминания о первом приезде в Хэмптонс. Они слишком мучительны, задвигаю их в дальний ящик памяти. В чем в чем, а в этом я поднаторела.

На Мейн-стрит жизнь бьет ключом, как всегда летом после полудня. Веселая, нарядная публика вызывает желание забраться в постель и укрыться одеялом с головой. Все меняется, когда мы съезжаем с хайвея, минуем отель «Парк Агауэм» и продолжаем путь по улицам, застроенным особняками. Кругом зелень — гигантские деревья, безупречные живые изгороди, свежестриженные газоны. Попадают только родители с детьми — все на велосипедах. Чем ближе к океану, тем малолюднее, и вот

Рецепт счастливой жизни

уже чувствуется свежий, прохладный, йодистый запах.

На улице, где находится бабулина вилла, вообще ни души. Чирикают всевозможные пичуги, океанские волны накатывают на песок. Я вдруг понимаю, зачем приехала — как раз за этим. При стуке открываемых ворот вздрагиваю, сердце самую чуточку сжимается — последний раз я входила в эти ворота с **ним**. При мысли о масштабах потери меня охватывает паника. Делаю глубокий вдох, закрываю глаза, сосредоточиваюсь на настоящем моменте. Запах соленой воды, приглушенный шум мотора, шорох гравия... Открываю глаза, озираюсь в удивлении. Лужайка перед домом обогатилась розовыми кустами и внушительной плакучей ивой (позже выясняется, что иве больше ста лет). В общем, это не лужайка, а целый дендрарий. И все же моими любимицами остаются гортензии.

Конечно, в Саутгемптоне о фасаде мало пекутся. Потому что настоящая жизнь протекает за домом. Вилла тюфячного короля расположена на первой линии (то есть почти на пляже). Лучшее место в Хэмптонс, не только в Саутгемптоне.

Хотя бабуля обычно называет виллу «пляжным коттеджиком», не стоит понимать ее слова буквально. Доля истины в характеристике имеется: кухонные шкафы в стиле «рустик» действительно навевают мысль о коттедже — наряду с беленой древесиной и плетеной мебелью. Однако типовой «коттеджик», как правило, не располагает лифтом. А также семью ванными комнатами. Нет при «коттеджике» ни гостевого дома с тремя спальнями и четырьмя ванными, ни второго дома, за гаражом, для прислуги. «Пляжный